

ПОЛИ. Вотъ. Ну?

Оба играютъ и идутъ. Въ дверяхъ встрѣчаются съ директоромъ и Манчини; послѣдній, гримая золотой или золоченный набалдашникъ палки, идетъ сзади. Графъ Манчини худъ, тонокъ, дотеръ по всемъ швамъ, но застенчивъ наглухо и держится съ величайшимъ изяществомъ; любитъ аристократически поигрывать палкой и принимать ослѣпительныя позы, часто смѣется, при чемъ все худое острое лицо его собирается въ гримасу сатира. Директоръ, папа Бриккэ — высокій, полный, спокойный человекъ съ нѣсколько нерѣзительной походкой.

Клоуны даютъ дорогу; директоръ вопросительно взглядываетъ на старшаго.

еркая языкъ). Наша музыка. Маршъ муравьевъ. Къ намъ

Расходятся. Клоуны начинаютъ играть, но Поли останавливается и идетъ назадъ. За нимъ и младшій.

ПОЛИ. Папа Бриккэ, сегодня Жакъ плохо работаетъ.

БРИККЭ. Отчего?

ПОЛИ. У него горло болитъ. Посмотри, что у него.

БРИККЭ. Пойди сюда. Ну-ка, раскрой — пошире — пошире. (Ставитъ клоуна подъ свѣтъ, у окна и, нахмурившись, заглядываетъ въ горло). Намать іодомъ.

ПОЛИ. Я говорилъ, что пустяки. Ну?

и важными
Играя, уходятъ тѣми же мелкими шагами. Директоръ садится, Манчини принявъ позу у стѣны и насмѣшливо улыбаются.

МАНЧИНИ. Ты ихъ и личишь? Смотри, папа Бриккэ, у тебя нѣтъ диплома.

БРИККЭ. Маленькіе совѣты. Они все очень мнительны.

МАНЧИНИ. Онъ просто обжегъ горло асцитомъ: эти двое пьянствуютъ каждую ночь. Папа Бриккэ, я тебѣ удивляюсь, ты мало слѣдишь за нравственностью! (Смѣется).

БРИККЭ. Ты мнѣ баболовъ, Манчини.

МАНЧИНИ. Графъ Манчини къ вашимъ услугамъ.

БРИККЭ. Ты мнѣ надоѣлъ, графъ Манчини. Ты всюду лѣзешь и мѣшаешь артистамъ работать. Они тебя побьютъ когда нибудь и я не стану отнимать.

МАНЧИННИ. Какъ человѣкъ другого круга и воспитанія, я не могу относиться къ твоимъ артистамъ, какъ равный. Что ты выдумалъ, Брике? Я и тебѣ дѣлаю честь, говоря съ тобой такъ фамиліарно и совсѣмъ за-просто...

БРИКЕ. Ну, ну...

МАНЧИННИ. Я вучу. Но если они выдумаютъ напасть на меня, то ты это ведай, э? (Витаскиваетъ изъ палки стилетъ. Либуется самъ). По-лезная вещь! А знаешь, какую дѣвочку я вчера открылъ въ предмѣстьи? (Смѣется). Ну, ну, допустимъ, что ты этого не любишь, у всякаго свои вкусы. Но послушай! — ты долженъ дать сто франковъ.

БРИКЕ. Ни сантимъ.

МАНЧИННИ. Тогда я беру Консуэлу. Конечно!

БРИКЕ. Ты говоришь это каждый день.

МАНЧИННИ. Говори, говори! И ты бы сказалъ, если бы такъ позорно не выдался, какъ я. Нѣтъ, послушай — но вѣдь я долженъ поддерживать блескъ моего имени, э? Вѣдь если несчастья моего рода привели къ тому, что я вѣкъ дочь, графиню Веронику, долженъ былъ сдѣлать найзидницей... для куска хлѣба! Для куска хлѣба, понимаешь ли ты, чурбанъ!

БРИКЕ. Ты слишкомъ много бросаешь на дѣвочекъ. И ты понадеешься такъ въ терру, Манчинни!

МАНЧИННИ. Въ терру! Нѣтъ, но я долженъ же поддерживать блескъ моего рода! (Смѣется). Манчинни во всей Италіи извѣстны тѣмъ, что бѣдили дѣвочекъ, только дѣвочекъ, — ну, и развѣ я виноватъ, что мнѣ приходится платить бѣшенныя деньги за то, что моимъ предкамъ досталось совсѣмъ даромъ? Ты оселъ, ты парвенеъ, ты не понимаешь, что такое традиціи рода. Я не лью, я совсѣмъ бросилъ карты послѣ того случая... ну, ну, безъ усмѣшки! — и если я откажусь еще отъ дѣвочки то что останется отъ Манчинни? Одинъ гербъ! Ну, послушай, ну, для тра-диціи — дай сто франковъ.

БРИКЕ. Я сказалъ, что не дамъ, и не дамъ.

МАНЧИННИ. Но вѣдь пѣлю половину жглованья я отдаю Консуэллѣ. Или ты думаешь, что я не люблю мое дитя, мое единственную дочь, оставшую мнѣ, какъ послѣднее воспоминаніе о ея святой матери? Какая жестокость (дѣлаетъ видъ, что плачетъ и вытираетъ глаза кружевнымъ грязноватымъ платкомъ съ короной).

БРИКЕ. Лучше скажи, что она такая дура, и отдаетъ тебѣ половину заработка. Ты мнѣ понадобишь!

Входитъ Зинаида, укротительница звѣрей, жгуче красивая, осанистая женщина, съ спокойно пове-
лительными движеніями, которая на первый взглядъ

кажутся даже ленивыми Она -- невѣнчанная жена директора

БРИКЕ

ЗИНИДА. (маленьки). Здравствуй.

МАНИНИ. Мадамъ Зинида! Пусть этого варвара. Эта грубая душа пронзитъ меня кинжаломъ, но даже въ его присутствіи я не могу сдерживать взрывъ моей любви. (Шутовски становится на колѣни... Мадамъ -- графъ Манички проситъ васъ чести быть его женой!

ЗИНИДА. (къ Брикѣ) За деньги

БРИКЕ. Да

ЗИНИДА. Не лжай.

утомленно садится въ уголъ рваного дивана и закрываетъ глаза. МАНИНИ встаетъ и страхаетъ колѣни.

МАНИНИ. Перцогиня! -- не будьте такъ жестоки. Я не левъ я не тигръ я не дикій звѣрь, которыхъ вы привыкли укрощать. -- Я просто скромное домашнее животное, которое хочетъ... ния. жва -- кушать зелененькую травку.

ЗИНИДА (не открывая глазъ). Инъ Джинъ сказалъ, что ты держишь для Консуэлы учителя. Это зачѣмъ?

МАНИНИ. Заботы отца, герцогиня; заботы и неуспѣнное лечение любящаго сердца. Крайнія несчастья моего рода, среди которыхъ я выросъ оставили и въ ея образованіи нѣкоторые пробѣлы. Друзья мои! Дочь графа Манички, графиня Вероника, почти неграмотна, допустимо ли это? А ты Брикѣ, ты грубая душа спрашиваешь, зачѣмъ инъ деньги

ЗИНИДА. Онъ хитритъ.

БРИКЕ. А чему ты ее учишь

МАНИНИ. Всему. Къ ней ходилъ студентъ, но вчера я его выгналъ: влюбился въ Консуэлу и маукалъ за дверью, какъ котъ. Встай, Брикѣ, чего ты не знаешь. Литература нифология орфография...

Входятъ двѣ молоденькія артистки, въ пубахъ поверхъ легкіхъ костюмовъ, и утомленно радничкомъ присаживаются въ уголокъ.

МАНИНИ. Я не хочу, чтобы моя дочь...

ЗИНИДА. Онъ хитритъ.

БРИКЕ. Ты глупъ, Манички. Зачѣмъ ты это дѣлаешь? (наставительно) Ты ужасно глупъ. Манички. Зачѣмъ ей знатъ? Разъ она здѣсь, ей ничего не надо знать о томъ, понидаешь? Что такое географія? -- Всякій тебѣ скажетъ, что это пустыня. А я былъ бы вдвое счастливѣе, если бы не зналъ географіи. Будь я министромъ, я совсѣтъ бы запретилъ артистамъ читать книги, пусть читаютъ афиши и больше ничего....

Во время рѣчи БРИКЕ входятъ ОВА КЛОУНА и еще

Какой-то артист; тихо и утомленно рассказывает.

БРИКЕ. Теперь твоя Консуэлла превосходная артистка. А когда ты ее изучил мифологию, и она станет читать, она делается дрянью, развратной дівченкой, а потом и отравится. Я знаю их книги, я сам читал, он только и учат, что разврату, да как потом убивать себя.

ПЕРВАЯ АРТИСТКА. А я люблю романы, которые в газетах.

БРИКЕ. Ну и дура, ну и пропадешь. Повѣрьте мнѣ, друзья мои: о томъ, что тамъ, намъ надо самимъ забыть. Развѣ мы можемъ когданибудь понять, что тамъ дѣлается?

МАНЧИНИ. Ты врагъ просвѣщенія! Ты обскурантъ, Брикѣ!

БРИКЕ. А ты глупъ. Вотъ тебя спросить, ты откуда: ты чему тамъ изучался?

АРТИСТЫ СМѢЮТСЯ.

БРИКЕ. А родился ты въ циркѣ, какъ и я, ты кое-что зналъ бы. Просвѣщеніе — это глупости и больше ничего. Вотъ спроси Зиниду, она все знаетъ, что знаютъ и тамъ, и географія, и мифологія, а стала она отъ этого счастливѣе? Скажи мнѣ, дорогая.

ЗИНИДА. Оставь меня, Луи.

МАНЧИНИ. (сердито). Наконецъ — попалъ ты къ черту! Когда я слушаю твою философію осла, мнѣ хочется содрать съ тебя не сто франковъ, а двѣсти тысячъ! Волею моею, такой оселеъ, хоть и директоръ. Вотъ я при нихъ опять горюю: ты мало платишь, скупецъ, ты долженъ приобщить Консуэллу сто франковъ. Послушайте, честные бродяги: кто собираетъ каждую вечеръ полней циркъ? Бѣ, два музыкальных осла? Тигры и львы? Очень нужны кому-то эти голодные кошки...

ЗИНИДА. Оставь тигровъ въ покоѣ.

МАНЧИНИ. Прости, Зиниде я не хочу тебя обидѣть — клянусь честью, я самъ въ восторгѣ отъ твоей бѣшеной смѣлости и грезъ, я цѣлю твои ручки, героиня, но что они понимаютъ въ героизмѣ?

х) На аренѣ небольшой оркестръ наигрываетъ танго.

МАНЧИНИ (восторженно). А вотъ, вотъ! Вы слышите? Ну, скажите, честные бродяги: развѣ не Консуэлла съ Безано собираетъ публику? Изъ танго на кояхъ — но вѣдь это... вѣдь это! Чортъ возьми, тутъ не выдержитъ самъ папа!

ПОЛИ. Это правда. Немеръ знаменатей, но вѣдь нѣкоя принадлежитъ Безано?

МАНЧИНИ. Идея, идея Манчички влюбленъ какъ котъ, вотъ и вся его идея. И что такое идея безъ женщины? Много ты напоянешь съ твоей идеей. Иди, папа, Брикѣ!

БРИКЕ. Контрактъ.

х) Танго (соло) муз. А. Барло (Вилласло).

МАНЧИНИ. Какой подлый формализм!

ЗИНИДА. Дай графу десять франковъ, и пусть убирается.

МАНЧИНИ. Десять? Ни за что! Пятнадцать! Ну, будетъ утрямиться, папа, ну для традиціи рода — двадцать, а? Клянусь честью, меньше не могу.

БРИКЕ (даетъ 20 франковъ).

МАНЧИНИ (небрежно). Мерси.

ЗИНИДА. Возьми у твоего барона.

МАНЧИНИ (поднимая брови, въ благородномъ негодованіи). У барона? За кого ты принимаешь меня, женщина? Чтобы я сталъ одолажаться у посторонняго человѣка, который...

ЗИНИДА. Ты что-то хитришь — ты что-то ужасно хитришь. Я тебя еще мало знаю, но вѣроятно ты ужасный негодяй.

МАНЧИНИ. (смѣется). Оскорбленіе изъ прекрасныхъ устъ...

Входить артистъ, по складу — борецъ.

БОРЕЦЪ. Папа Брикe, къ тебѣ какой-то господинъ съ того свѣта.

АРТИСТКА. Призракъ?

БОРЕЦЪ. Нѣтъ, какъ будто живой. Ты видалъ, чтобы призраки были пьяны.

БРИКЕ. Если пьянъ, то откажи ему, Томасъ. Онъ именно ко мнѣ или къ графу?

БОРЕЦЪ. Къ тебѣ. Можетъ быть онъ и не пьянъ, а просто призракъ.

МАНЧИНИ. (охорашиваясь). Человѣкъ изъ общества?

БОРЕЦЪ. Да. Я его позову, папа Брикe, и ухажу. До свиданья.

На аренѣ хлопанье бича, воскрики; звуки танго то затихаютъ совсѣмъ, то звучать близко и громко. Здѣсь молчаніе.

БРИКЕ (касаясь руки Зиниды). Устала?

ЗИНИДА. (отводя его руку). Нѣтъ.

ПОЛИ. Сегодня твой ржій левъ беспокоенъ, Зинида.

ЗИНИДА. Ты его напрасно дразнишь.

ПОЛИ. Я игралъ ему изъ Травіаты. И онъ очень мнѣ подѣлвалъ.

А что бы поставить этого номеръ, папа Брикe?

ТОМАСЪ вводитъ господина и показываетъ пальцемъ: вонъ директоръ. Самъ уходитъ, тяжело переваливаясь. ГОСПОДИНЪ — человѣкъ не первой молодости, съ безобразными, но живыми, смѣлыми и нѣсколько странными лицомъ; одѣтъ въ дорогое пальто-сюртукъ съ мѣховымъ воротникомъ, плачу дернущъ въ руки, перчатки.

ГОСПОДИНЪ. (кланаясь и улыбаясь). Имѣю удовольствіе видѣть
г. Директора?

БРИКЕ. Да. Садитесь. Дай ка стулъ, Тили.

ГОСПОДИНЪ. О, не безпокойтесь. (Оглядывается). Это ваши артисты?
Очень пріятно.

МАНЧИНИ (оправляясь и слегка наклоняя голову). Графъ Манчини.

ГОСПОДИНЪ (удивленно). Графъ?

БРИКЕ (неопредѣленно). Да, графъ... А съ кѣмъ имѣю честь?

ГОСПОДИНЪ. Я еще самъ не знаю. Вѣдь вы всѣ выбираете себѣ имена,
да? Но я еще не выбралъ, вы мнѣ потомъ посоветуете. Кой-что я уже
и придумалъ, но, знаете, все выходитъ слишкомъ... литературно!

БРИКЕ. Литературно?

ГОСПОДИНЪ. Да. Пахнетъ вѣдумкой.

На него съ удивленіемъ смотрятъ.

ГОСПОДИНЪ. Мнѣ кажется, что эти два господина — клоуны. Я такъ
радъ, позвольте пожать вашу руку.

Встаетъ и съ пріятной улыбкой жметъ руки клоунамъ.

Тѣ дѣлаютъ идиотское лицо.

БРИКЕ. Но позвольте... чѣмъ однако могу служить?

ГОСПОДИНЪ (все съ той же пріятной и довѣрчивой улыбкой). Это не
вы служить, а я служить! Я хочу у васъ служить, папа Брикe.

БРИКЕ. Папа Брикe? Но вы совсѣмъ не похожи...

ГОСПОДИНЪ (успокаивая). Это пройдетъ. Я буду похожъ. Вотъ эти
господа сейчасъ сдѣлали замѣчательное лицо... хотите повторю? Вотъ!
(Дѣлаетъ идиотское лицо, точно подражая клоунамъ).

БРИКЕ. Да! (Невольно) А вы не пьяны, сударь?

ГОСПОДИНЪ. Нѣтъ. Я вообще не пью. А развѣ я похожъ на пьянаго?
ПОЛИ. Есть таки.

ГОСПОДИНЪ. Нѣтъ, я не пью. Это просто особенность... моего та-
ланта!

БРИКЕ. Вы раньше гдѣ служили? Жонглеръ?

ГОСПОДИНЪ. Нѣтъ, но я радъ, что ты почувствовалъ во мнѣ товарища,
папа Брикe. Къ сожалѣнію, я не жонглеръ и... я нигдѣ не служилъ. Я
просто такъ.

МАНЧИНИ. Но вы имѣете видъ чловѣка изъ общества.

ГОСПОДИНЪ. О, вы мнѣ льстите, графъ! Я просто такъ.

БРИКЕ. Что же ты... вы хотите? Долженъ сказать, что у меня все
занято.

ГОСПОДИНЪ. Это не важно. Я хочу быть клоуномъ, если позвольте.

Нѣкоторые улыбаются. БРИКЕ начинаетъ сердиться.

БРИКЕ. Что же ты умѣешь? Знаешь, это ты многого захотѣлъ. Ну, что ты умѣешь?

ГОСПОДИНЪ. Ничего. Развѣ это не смѣшно: ничего не умѣть?

БРИКЕ. Нѣтъ, не смѣшно. Любой бездѣльникъ умѣетъ столько же;

ГОСПОДИНЪ (безпомощно, но все улыбаясь, оглядывается). Можно что-нибудь придумать...

БРИКЕ (съ ироніей). Литературное?

Тихо входитъ КЛОУНЪ мистеръ ДЖЕКСОНЪ и, незамѣченный, останавливается позади ГОСПОДИНА.

ГОСПОДИНЪ. Да, можно и литературное. Напримѣръ, что вы скажете о маленькой, но хорошенькой рѣчи... ну, хотя бы на религіозную тему? Такъ, маленькій диспутъ между клоунами.

БРИКЕ. Диспутъ? Провались, милый, здѣсь не академія.

ГОСПОДИНЪ (огорченно). А жалы! Что нибудь такое... легкую путку о сотвореніи міра или объ его управленіи?

БРИКЕ. А комиссаръ? Не годится.

ДЖЕКСОНЪ. (выступая). Объ управленіи міромъ? Оно тебѣ не нравится? Мнѣ тоже... давай руку.

БРИКЕ (знакома). Нашъ главный клоунъ, знаменитый Джексонъ.

ГОСПОДИНЪ (въ восторгѣ). Боже мой, это вы? Позвольте горячо пожать вашу руку, вы столько наслажденія доставили мнѣ вашимъ геніальнымъ...

ДЖЕКСОНЪ. Очень радъ.

БРИКЕ (пожимая плечами). Вотъ хочетъ быть клоуномъ, посмотри, Джимъ.

ДЖЕКСОНЪ (поворачивая, критически осматриваетъ господина). Клоуномъ, хмъ! Повернитесь къ... Хмъ! Для клоуна... да... улыбнитесь къ, пошире, пошире!— развѣ это улыбка! Такъ. Положимъ, задатки есть, но для полного развитія... (Съ огорченіемъ). Ты, пожалуй, и салъто-мортале не умѣешь?

ГОСПОДИНЪ (вздыхая). Нѣтъ.

ДЖЕКСОНЪ. А сколько тебѣ лѣтъ?

ГОСПОДИНЪ. Тридцать девять. Поздно?

ДЖЕКСОНЪ, овиствуя, отходить.

БРИКЕ (холодно). Мы не нуждаемся въ вашихъ услугахъ, сударь.

Молчаніе.

ЗИНИДА, (тихо). Возьми его.

БРИКЕ (гнѣвно). Но, чертъ побери, что же я буду дѣлать съ нимъ, если онъ ничего не умѣетъ. Онъ просто пьянъ!

ГОСПОДИНЪ. Честное слово, я не пьянъ. Благодарю васъ за поддержку, сударыня. Вы не знаменитая ли г-жа Зинида, укротительница

львовъ, царственная красота и смѣлость которой?

ЗВЕЗДА. Да. Но я не люблю, когда мнѣ льстятъ.

ГОСПОДИНЪ. Это не лестно!

МАНЧИНИ. Ты просто не привыкла къ людямъ изъ общества, душа моя. Десты! Господинъ искренно и въ прекрасныхъ словахъ выражаетъ своей восторгъ, а ты... Это невоспитанность, Звезда. Что касается меня...

Входятъ Консуэлла и БЕЗАНО въ костюмахъ.

КОНСУЭЛЛА. Ты здѣсь, папа?

МАНЧИНИ. Да, дитя мое, ты не устала? (пѣлуешь ее въ лобъ). Моя дочь, сударь, графиня Вероника, по спелѣ знаменитѣйшая Консуэлла, парила тѣло на коняхъ... изволили видѣть?

ГОСПОДИНЪ (кланяясь). Я былъ восхищенъ... Изумительно!

МАНЧИНИ. Да, это признано всеми. А какъ вамъ нравится имя? Я взялъ его изъ романа г-жи Корнъ Зандъ, оно значить - "путѣшеніе"...

ГОСПОДИНЪ. Какая блестящая начитанность!

МАНЧИНИ. О, пустяки. Несмотря на ваше эксцентричное желаніе, я вижу, сударь, что вы человѣкъ моего круга; и долженъ вамъ сказать, что только роковыя несчастія моего древняго рода... Сик транзитъ глоріе мунди, судары!

КОНСУЭЛЛА. Надоѣлъ, папа. А гдѣ же мой платокъ, Альфредъ?

БЕЗАНО. Вотъ, возьми.

КОНСУЭЛЛА (Господину). Это настоящій венеціанскій - вамъ нравится?

ГОСПОДИНЪ (вторично кланяясь Консуэллѣ). Мои глаза ослѣплены. Такая красота! Нѣтъ, папа Брике, чѣмъ больше я смотрю, тѣмъ больше хочу остаться въ вами. (Дѣлаетъ тупое лицо простака). Съ одной стороны - графъ, съ другой...

ДЖЕКСОНЪ (одобряя). Это недурно. Послушай, раскинь же мозгами, придумай, чѣмъ ты можешь быть. Здѣсь каждый думаетъ за себя.

Молчаніе. ГОСПОДИНЪ думаетъ, приложивъ палецъ ко лбу.

ГОСПОДИНЪ. Придумать, придумать... Эврика!

ПОЛИ. Это значитъ: навелъ. Ну?

ГОСПОДИНЪ. Эврика! Я буду у васъ тѣмъ, который получаетъ по-мечины.

Общій смѣхъ, даже БРИКЕ улынулся.

ГОСПОДИНЪ (глядя на всѣхъ и улыбаясь). Видите: вотъ вы и раз-смѣялись? А развѣ это легко?

Всѣ становятся серьезны. Клоунъ ТИЛИ вздыхаетъ.

ТИЛИ. Да, это не легко. Ты засмѣялся, Поли?

ПОЛИ. Я очень засмѣялся. А ты?

ТИИ. Я тоже.

Наигрывает на губах, подражая инструментам, весело-печальный мотивчик.

ДЖЕКСОНЪ. Тотъ, который получает помечину? Это недурно.

ГОСПОДИНЪ. Не правда ли? Мне самому очень нравится, это вполне соответствует свойствам моего таланта. Знаете, товарищи: я и имя для себя придумал... я буду называться ТОТЪ. Хорошо?

ДЖЕКСОНЪ (сбормывая). Тотъ? Недурно

КОНСУЭЛЛА (пѣвуче). Какой онъ смѣшной! Тотъ — какъ собака. Пана, есть такіа собаки?

Внезапно ДЖЕКСОНЪ наноситъ помечину искусственную ГОСПОДИНУ. Тотъ отвечается и блѣднѣетъ.

ГОСПОДИНЪ. Что?

Общій хохотъ покрываетъ его слова.

ДЖЕКСОНЪ. Тотъ, кто получаетъ всё помечины! Или ты не получишь? ПОЛИ (кверкая языкомъ). Онъ говоритъ: ему мало.

ГОСПОДИНЪ улыбается, потирая шеку.

ГОСПОДИНЪ. Такая внезапность и быстрый переходъ къ дѣлу... Но странно: ты меня не ударилъ, а шека горитъ!

Снова смѣхъ. Клоуны кричатъ утками, пѣтухами, лаятъ и скулятъ. Завида, что то сказавъ БРИКЕ и бросивъ взглядъ на БЕЗАНУ, выходитъ. МАНЧИНИ принимаетъ видъ скучающаго человѣка и смотритъ на часы. Выходитъ обѣ артистки.

ДЖЕКСОНЪ. Возьми его, папа Брикe, онъ будетъ насъ пeвeлeть.

МАНЧИНИ (смотря на часы). Но имѣйте въ виду, что папа Брикe скупъ, какъ Гарпагонъ. И если вы думаете поправить всѣ дѣла, то вы горько ошибетесь... (Смѣется). Помечина, что такое помечина? Здѣсь это разная монета, полтора франка дѣжина. Вернитесь въ общество, тамъ вы заработаете больше. Мой другъ, маркизъ Джусти за одну только помечину — вы представляете! — за одну только маленькую ослеуху — получилъ 50 тысячъ лиръ!

БРИКЕ. Не мѣшай, Манчини. А ты займешься имъ, Джекcонъ?

ДЖЕКСОНЪ. Могу.

ПОЛИ. А музыку ты любишь? Напримеръ, сонату Бетховена на метлѣ или Моцарта на бутылкахъ?

ТОТЪ. Увы — нѣтъ! Но я буду безконечно благодаренъ, если вы научите меня. Клоуны! Это было моей мечтой съ дѣтства. Когда мои школьные товарищи увлекались — одни, героями Плутарха, другіе свѣтомъ науки, — я мечталъ о клоунѣ, Бетховенѣ на метлѣ! Моцартѣ на бутылкахъ! Это какъ разъ то, чего я всю жизнь искалъ. А костюмъ?

О, друзья мои, мнѣ надо поскорѣ костюмъ.

ДЖЕКСОНЪ. Видно, что ты ничего не понимаешь. Костюмъ — это надо, понимаешь (прикладываетъ палецъ ко лбу) очень долго думать. Ты видалъ солнце у меня на этомъ мѣстѣ? (хлопаетъ себя сзади). Я его искалъ два года!

ТОТЪ (восторженно). Я буду искать!

МАНЧИНИ. Ну, а намъ пора. Консуэлла, дитя мое, тебѣ пора одѣваться. (Къ Тоту). Мы завтракаемъ у барона Реньяра, — мой другъ, банкиръ.

КОНСУЭЛЛА. Я не поѣду, папа. Альфредъ сказалъ, что мнѣ надо сегодня еще поработать.

МАНЧИНИ. (въ ужасѣ поднимая руки). Но, дитя мое! — въ какое положеніе ты меня ставишь? Я обѣдалъ барону, баронъ будетъ насъ ждать... нѣтъ, это невозможно! Я даже вспотѣлъ.

КОНСУЭЛЛА. Альфредъ говоритъ...

БЕЗАНО (сухо). Ей надо поработать. Ты отдохнулъ? Идемъ.

МАНЧИНИ. Но это — чортъ знаетъ что! Послумай, ты, Безано, жокей — ты съ ума сошелъ? Я тебѣ позволилъ для интереса въ нѣсколько позаниматься моею дочерью, но...

КОНСУЭЛЛА. Оставь, папа, какой ты глупый. Намъ надо же работать. Завтракай одинъ съ твоимъ барономъ. Ахъ, папа, ты опять не взялъ чистаго платка? Я же вчера выстирала тебѣ два чистыхъ, куда ты ихъ дѣвалъ?

МАНЧИНИ (краснѣя отъ стыда). Мнѣ мое бѣлье стираетъ прачка, а ты еще играешь въ куклы, Консуэлла. Это глупо! Ты болтаешь, не думая, а эти... господа могутъ представить Богъ знаетъ что. Глупо! Я ужу.

КОНСУЭЛЛА. Хочешь, я напишу ему записочку?

МАНЧИНИ (злобно). Записочку! Надъ твоими записочками лошадь засмѣется! До свиданья.

Уходитъ, сердито играя палкой. За нимъ почтительно слѣдуютъ музыкальные клоуны, наигрывая похоронный маршъ. Тотъ и Джексонъ смѣются. Артисты постепенно расходятся.

КОНСУЭЛЛА (смѣясь). Развѣ я такъ плохо пишу? А мнѣ это такъ пріятно: писать записочки. Тебѣ понравилось мое письмо, Альфредъ, или ты тоже смѣялся?

БЕЗАНО (краснѣя). Нѣтъ, я не смѣялся. Идемъ, Консуэлла.

Выходятъ оба, въ дверяхъ встрѣчаются съ ЗИНЕДЪ.

ЗИНЕДЪ. Ты еще хочешь работать, Безано?